

Теория и методология Theory and methodology

DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01

Костромина С.Н.

Классический «парадокс личности»:

есть ли теоретические и методологические основания для решения?

Kostromina S.N.

Classic “Paradox of Personality”:

Is there a theoretical and methodological basis for a solution?

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Может ли быть решен «классический парадокс личности», сформулированный У. Мипелом? В статье обсуждаются идеи постнеклассической науки для объяснения устойчивости и изменчивости как взаимодополняющих свойств личности. Личность как открытая сложная саморазвивающаяся система обладает всеми признаками неравновесности. Нестабильность и множественность состояний, их непредсказуемость и необратимость обнажают текучесть (непрерывное постоянное, последовательное изменение) внутреннего содержания личности и подчеркивают ее процессуальную природу. В такой структуре все происходящие изменения необратимы, носят вероятностный характер, определяются чувствительностью к флуктуациям, множественностью потенциальных состояний и процессами самодетерминации. Процессуальность личности раскрывает не только ее способность к переходу на новые уровни функционирования, она свидетельствует и об ее способности преобразовываться, порождать новые элементы, изменяться структурно и содержательно, усложняться и редуцироваться, то есть постоянно меняться в бесконечном и неопределенном множестве вариантов. Поэтому изменчивость личности не есть оппозиция устойчивости. Изменчивость есть оппозиция статичности. Усложнение системы личности, то есть наращивание новых уровней организации, сопровождается изменением ее пространственно-временной конструкции. Каждая возникшая ступень функциональной организации личности – период ее устойчивости (структурной упорядоченности) – несет в себе «зародыш» дальнейшего изменения. Любое последующее изменение ведет к возрастанию сложности структуры и уровней организации личности и, следовательно, к росту ее устойчивости.

Взаимосвязь этих тенденций (устойчивости и изменчивости) служит основанием для развития процессуального подхода в психологии личности, суть которого – сохранение устойчивости через постоянное изменение. Процессуальный подход ориентирован на изучение потенции системы личности к образованию новых структур. Фокус исследования в процессуальном подходе смещается на потенциально возможное, а объектом исследования выступает не существующее, а возникающее.

Ключевые слова: процессуальная природа личности, классический парадокс личности, устойчивость, изменчивость, постнеклассическая наука

Для цитирования: Костромина, С.Н. Классический «парадокс личности»: есть ли теоретические и методологические основания для решения? // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 7–30. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01

Введение

Когда мы задумываемся о поиске новых парадигм и подходов в науке, это означает только одно – мы не удовлетворены имеющимися. Психология личности здесь не исключение. На протяжении столетия методология исследования личности строилась, исходя из двух основополагающих точек зрения: личность устойчива или личность изменчива. В некотором роде вопрос о соотношении устойчивости и изменчивости личности превратился в одну из ключевых проблем психологии личности, стал локомотивом ее развития.

У. Мишел (Mischel, 2004) сформулировал данную проблему в формате классической дилеммы о невозможности согласовать наши представления об инвариантности личности с эмпирическими доказательствами ее изменчивости. Любая теория личности в явном или неявном виде отражает приверженность автора одной из позиций – «изменяемость – неизменность» личности. Как следствие в психологии личности сложилась ситуация, когда устойчивость и изменчивость стали рассматриваться в виде дихотомии. А каждое новое теоретическое или методологическое решение априори ориентировало исследователей на поиск доказательств либо согласованности личностных черт и их независимости от ситуаций, либо изменчивости личности в зависимости от ситуаций или контекста. Но дилемма как была, так и осталась. Почему же рост теорий и эмпирических доказательств не привел к решению? Возможно, отсутствие решения кроется в том, что мы ходим по кругу от одной классической парадигмы к другой. Игнорируем уже сложившуюся в психологии традицию учитывать в исследованиях изменения современности (Гусельцева, 2018, с. 329). И

отсутствие решения классического парадокса личности есть как раз свидетельство того, что нам нужен новый подход к исследованию личности, который поможет объяснить, каким образом личность изменяется, но продолжает сохранять свою устойчивость.

Личность в оптике типов научной рациональности

Несмотря на то, что психология личности сравнительно недавно выделилась в самостоятельную область научного знания, исследования личности довольно четко соотносятся с общенаучными основаниями, доминирующими в тот или иной период времени. Представления о личности в первой половине XX века характеризуются классической рациональностью. Сама идея теорий личности пронизана стремлением к описанию личности как психологической системы, свойства которой определяются свойствами образующих ее элементов. Характеристики системы зависят от их количества и состава, а процессы рассматриваются как взаимодействие элементов. Классическая психология личности оперирует такими понятиями, как «часть» и «целое», «сущность» и «процесс», «взаимодействие» и «причинность». Дихотомия устойчивости – изменчивости личности в классическом типе рациональности детерминирована (1) свойствами компонентов личности (например, их биологической обусловленностью), (2) иерархичной системой организации (одни уровни управляют другими уровнями), (3) средовыми эффектами (влияние культуры, общества, семьи). Соответственно, мы можем описать личность либо как нечто неизменное – это ее структура, то есть пространственная организация. Либо как нечто изменяющееся во времени – через динамические процессы (например, в психодинамическом подходе через мотивацию, желания, влечения и т.д. или в психологии развития через последовательное изменение от одного возрастного этапа к другому).

Дискурс *неклассической науки* обогатил исследования личности расширением понятия причинности – введением идеи вероятностной причинности. Несводимость целого к сумме частей обусловила взгляд на личность как на сложную саморегулирующуюся систему, где характер ее целостности зависит не только от свойств составляющих элементов, но и определяет эти свойства. Представления о внутренних пространственно-временных характеристиках личности перестали сводиться к внешнему физическому пространству-времени, произошло различение характеристик внутреннего пространства личности и внешнего по отношению к ней, а механизмы саморегуляции стали рассматриваться как объяснительный принцип существования системы

личности, которые за счет обратного воздействия поддерживают ее состав, структурную организацию, взаимосвязи между подсистемами и преобразование в пространстве и времени. В терминологии Н. Винера «это мир Процесса, а не окончательного мертвого равновесия, к которому ведет Процесс, и это вовсе не такой мир, в котором все события заранее предопределены вперед установленной гармонией, существовавшей лишь в воображении Лейбница» (Винер, 1964, с. 314).

Попытка выйти за пределы классической психологии личности позволила перейти к описанию личности через динамические характеристики: «вектор развития», «направленность изменений», «обратная связь», «выбор целей», «действия и операции», «обмен энергией и информацией», «динамика процесса», «обратная связь», «напряжение», «влияние ситуации». «Ситуация берется здесь во всей ее конкретной индивидуальности, а значит учитывается ее состояние в каждый отдельный момент времени» (Левин, 2001, с. 78) или «динамика процесса всегда должна выводиться из взаимоотношения конкретного индивидуума с конкретным окружением и в той мере, в какой речь идет о внутренних силах» (Гам же, с. 83).

Идеи неклассической науки способствовали окончательному оформлению двух парадигм исследования личности: структурно-функциональной и динамической (Костромина, 2019). В то же время теоретические открытия этого периода не сняли проблему оппозиции инвариантности-изменчивости личности. Гомеостазу был противопоставлен гетеростаз, реактивности – проактивность, детерминизму – свобода и др. Приверженность той или иной позиции в континууме «изменяемость – неизменность» позволила понять фундаментальные различия в представлениях исследователя о природе личности (Хьелл, Зиглер, 1997), но не решила дилемму, сформулированную У. Мишелом. Очевидно, это обстоятельство требует нашего обращения к принципам постнеклассической науки, опирающейся на идеи самоорганизации и саморазвития сложных систем, междисциплинарность и множественность типов рациональности.

В *постнеклассической науке* ключевым моментом выступает описание иерархии уровневой организации элементов через их способность порождать в своем развитии новые уровни. Причем каждый такой уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность (Степин, 2009, с. 265). С появлением новых уровней

организации происходит качественная трансформация системы, в ней формируются иные, относительно самостоятельные подсистемы, перестраиваются системы регуляции и управления, система опять переходит состояние саморазвития. Особое значение в этой связи приобретают процессы флуктуаций, бифуркаций и энтропии, описывающие механизмы самоорганизации при незначительных изменениях параметров системы.

В контексте постнеклассической науки проблема соотношения устойчивости и изменчивости довольно полно раскрыта в работах И. Пригожина о неравновесных системах. Именно в них мы можем найти идею *взаимосвязи устойчивости и изменчивости, которая довольно четко объясняет, как мы можем согласовать наши представления о стабильности личности с доказательствами ее изменчивости.*

Кратко остановлюсь на наиболее значимых положениях.

Неравновесность системы личности

Одно из них связано с *открытостью* системы, но в теории динамики неравновесных систем И. Пригожина (Пригожин, Стенгерс, 1986) понятие открытости системы обретает новый смысл. Открытость подразумевает существование так называемого потенциала неравновесности. В своей работе «Самоорганизация в неравновесных системах» И. Пригожин и Г. Николис пишут, что законы, управляющие ростом, распадом и взаимодействием в сложных системах (например, таких, как биологические популяции или социальные системы), оказываются весьма близки к законам химической кинетики (Николис, Пригожин, 1979, с. 463). Многочисленные примеры, приведенные авторами, убедительно свидетельствуют о сменяемости процессов устойчивости и изменчивости применительно к одной и той же системе, так же как и протекании в ней как равновесных, так и неравновесных процессов. При этом речь может идти о процессах на уровне отдельной клетки в организме, нейрональной сети, популяции, в экосистеме или социальной системе.

Открытость личности, ее постоянный взаимообмен с внешним миром создает условия как внесения потоков информации и энергии в систему, так и их оттока в окружающую среду. В результате скорость протекания внутренних процессов увеличивается, равновесие нарушается, возникает состояние неустойчивости. Даже небольшие влияния могут приводить к значимым внутренним колебаниям и нарушениям равновесия. Меняются градиенты личностных подструктур, копится разность между переменными, и тем самым

«распатывается» структурная организация. Прежняя организованность нарушается, рвутся внутренние связи, и система вступает в полосу динамического хаоса. За счет преобразование старых структур возникает спектр возможных направлений развития системы, причем как в сторону упрощения или разрушения, так и синтеза новых. Преобразование структуры личности сопровождается активным выбросом энергии, которая диссипирует (рассеивается) через разные формы активности: действия, поступки, чувства и мысли субъекта. Вступление личностной системы в фазу стабильности означает появление иного варианта структуры, других параметров порядка, перестройку «прежней целостности».

Усложнение системы личности, то есть наращивание новых уровней организации, сопровождается изменением ее пространственно-временного устройства – «возникают своеобразные «пространственно-временные окна», фиксирующие границы устойчивости каждого из уровней и горизонты прогнозирования их изменений» (Степин, 2009, с. 21). Таким образом, усложнение системы – это эволюционный шаг в направлении взаимодополнения свойств устойчивости и изменчивости системы личности.

Этот вывод отсылает нас к еще одному положению теории И. Пригожина – о роли сложности системы.

Сложность и неопределенность пространственно-временной организации личности

С одной стороны, чем сложнее система, то есть чем большим количеством элементов и взаимосвязей между ними она характеризуется, тем выше ее устойчивость. Поэтому важным условием устойчивости сложной системы является необходимое разнообразие ее единиц, обеспечивающее поддержание любой сложной целостности (Асмолов и др., 2017, с. 15). С другой стороны, чем сложнее система, тем выше порядок степеней свободы ее элементов и тем больше вероятность возникновения неравновесности за счет отсутствия «выровненности» градиентов свойств системы. В данном случае важен тот факт, что упорядоченность в сложных системах является одновременно и структурной, и функциональной. Функционирование системы в условиях взаимообмена энергией и информацией со средой, далекой от равновесия, приводит к росту энтропии и преобразованию структуры. Так реализуется принцип упорядочивания через флуктуацию (Николис, Пригожин, 1979, с. 452).

Пространственно-временная организация личности содержит

ряд дифференцированных подструктур, различающихся как по своей архитектуре, так и по функциям. Многообразие взаимосвязей между элементами личности и степенями свободы личностных переменных, значительно превышающих количество, по которым она может быть описана, подразумевает быстрые переходы между подсистемами. Это ведет к увеличению неопределенности и, как следствие, к трансформации структуры личности, то есть к ее эволюции. Неравновесность преобразует сложную систему личности в многомерное пространство разнообразия. Каждая новая ступень функциональной организации личности – период ее устойчивости (структурной упорядоченности) – несет в себе «зародыш» дальнейшего изменения. Каждое новое изменение ведет к возрастанию сложности структуры и уровней организации личности и, следовательно, к росту ее устойчивости. Интенсивность же изменений будет определяться областью распространения структурных преобразований системы личности. В таком понимании становление личности можно представить как последовательность неустойчивостей, приводящих к возрастающей сложности пространственно-временной организации личности, в которой устойчивость и изменчивость не могут рассматриваться как противоположные процессы.

Усложнение структуры личности, связанное с появлением новых уровней организации, предполагает расширение смысла категории «детерминация», автоматически углубляющего понимание вероятностных процессов и вероятностной причинности неклассической науки. В данном случае речь идет не столько о неопределенном характере воспроизводства системы в устойчивом состоянии, сколько о непредсказуемости направленности изменений.

Процессы детерминации подразумевают наличие самовоспроизводящихся и саморегулирующихся систем. В этом смысле причинность – основа для устойчивого развития системы. В то же время сложность системы определяет множественность возможных состояний и подразумевает возникновение разных состояний системы личности при одних и тех же значениях переменных, то есть высокую энтропию. Иными словами, диапазон множественности состояний фактически определяет непредсказуемость пространственно-временной организации личности. Каждый элемент системы личности, имея градиент частоты автономных колебаний (изменчивости), несет в себе потенциал «организующего элемента». Поэтому каждый раз, чтобы узнать, в каком микросостоянии находится система личности, нам нужно много информации: мы должны знать микросостояние

каждого элемента и его место в общей структуре. При этом особое значение приобретают случайные факторы.

Случайность как проявление неустойчивых связей или неупорядоченности может затрагивать и внутреннюю организацию, и взаимодействие системы с внешней средой. Для личности в первом варианте случайным фактором может выступать пространственное и временное распределение функций в системе, дисгармония, конфликтное взаимодействие между подструктурами, энергетический обмен между подсистемами, появление нетипичного элемента в системе (смысла, идеи, нового опыта), регуляторные процессы, координирующие активность и вызывающие образование новых связей. Во втором – разнообразные воздействия и влияния, приводящие к энергетическому обмену между внешним и внутренним, в частности, условия жизни, социальные кризисы, трудные жизненные ситуации, новые люди и новые возможности.

В процессе *последовательных трансформаций* каждое новое состояние системы *индетерминированно*, так как удаленность от равновесия характеризуется нелинейными эффектами и чувствительностью к небольшим изменениям начальных условий (Асмолов и др., 2017, с. 13). В череде случайностей устойчивость и изменчивость превращают возможность в действительность. Случайные флуктуации в момент возникновения неустойчивых состояний формируют аттракторы, которые ведут систему личности к иному состоянию и изменяют потенцию возникновения других ее состояний. Поэтому независимо от начальных условий существует неограниченное число траекторий, приводящих к текущему состоянию. И каждое новое состояние является всего лишь частным случаем возможного, вероятность которого точно раскрыта Бергсоном: «Путь, проходимый во времени, усеян обломками всего, чем мы начинали быть, чем мы могли бы стать» (Бергсон, 2019, с. 88).

Необратимость изменений личности

Наконец, И. Пригожин обращает наше внимание на то, что все живые процессы (например, роста, развития, деградации) необратимы. Поэтому при анализе взаимосвязи устойчивости и изменчивости личности время приобретает особое значение. Бергсон писал: «вследствие разного переживания прошлого, даже при одних и тех же обстоятельствах невозможно пройти два раза через одно и то же состояние» (2019, с. 43). Необратимость отсылает нас к историческому аспекту существования системы, где прошлое, настоящее и будущее слиты воедино и представляют собой всего лишь ракурс анализа про-

исходящего. Для личности характерно избирательное реагирование на воздействие среды сообразно опыту предшествующих взаимодействий с внешним миром. Так, наш характер не что иное, как конденсация нашей истории от самого рождения и даже до рождения. Соответственно, прошлое влияет (не может не влиять) на наши желания, стремления, поступки. Оно заставляет нас действовать в определенном направлении. Прошлое непрерывно движется внутри нас (внутри личности), постоянно наполняясь абсолютным настоящим.

Личность особенно «чувствует» время в фазе неравновесного состояния. Свойство устойчивости проявляется в такой момент в выборе имеющихся в опыте «следов памяти» – в предпочтениях в зависимости от условий внешней среды устоявшихся (проверенных временам и ситуациями) типов реагирования из множества возможных, то есть в адаптации. Одновременно в ситуации неопределенности прошлый опыт может не только оказаться бесполезным, но и разрушительным. Поэтому построение образа будущего связано с готовностью к изменениям, с актуализацией преадаптивного потенциала личности, с избытком разнообразия как условия конструирования «вне-возможного», с «механизмами выработки вариативности» (Асмолов и др., 2017, с. 16). Адаптации выступают как приспособления, основанные на уже приобретенном опыте, а преадаптации нацелены на новизну и непредсказуемость будущего (Там же, с. 9). Субъект не просто использует продукты сложившихся в его мозге или в когнитивной системе механизмов, а выстраивает представление о среде, в которой ему предстоит действовать, прямо в ходе решения встающих перед ним задач (Марцинковская, 2016. с. 20). Человек вынужден меняться, соотносаясь с постоянно расширяющейся и переписывающейся социальной реальностью. Только так он может подготовиться к встрече с неопределенным будущим.

Процессуальность как характеристика изменчивой природы личности

Если применить положения теории неравновесных систем к психологии личности, то они полностью обосновывают процессуальную природу личности. Нестабильность и множественность состояний, их непредсказуемость и необратимость обнажают текучесть (непрерывное постоянное, последовательное изменение) внутреннего содержания личности, обосновывают справедливость использования понятия «внутренний мир» личности.

Согласно С.А. Рубинштейну, понятие «мир» относит нас к уровню

«пространства человеческой жизни». «Мир есть организованная иерархия различных способов существования, где определяющим является *человеческий способ существования*» (Рубинштейн, 2003, с. 309). Существовать на этом уровне значит страдать и действовать, воздействовать и подвергаться воздействию, участвовать в бесконечном процессе взаимодействия, пребывать и изменяться, то есть быть включенным в жизнь, участвовать в процессе жизни. Внутреннее пространство личности не только организовано, но и наполнено чувствами, мыслями, оценками, рефлексией. Человек пытается совладать со своими желаниями, осознать свои потребности, настроиться на определенные действия, он колеблется при принятии решений, конструирует планы и образы будущего, ведет диалог с собой, размышляет о прошлом и переживает его снова и снова. Иными словами, живет на этом внутреннем уровне. Внутренняя жизнь личности – это постоянное движение, изменение, активность.

Жизнь, по словам Бергсона (Бергсон, 2019), является наиболее ярким проявлением процессуальности. Творческий импульс, который присущ всему живому, не просто описывает разные направления движения, он выступает точкой опоры необратимых процессов, приводящих к возникновению новых структур, где системные связи устанавливаются сами собой. Процессуальность раскрывает изменчивую природу личности как производную ее психической жизни. Многие объекты, изучаемые психологией, определяются как «мягкие» по своей внутренней природе (Сергиенко и др., 2020), или, говоря словами Уильяма Джеймса, как «нежные» (James, 1890: цит. по The Cambridge Handbook, 2020, p.14). Процессуальность подчеркивает плавное, но постоянное изменение элементов психической системы и на уровне отдельных градиентов свойств, и на уровне структуры.

Описание процессуальности сложных систем нашло свое отражение еще в принципах неклассической науки, где процессуальная система представала как самовоспроизводящаяся в результате взаимодействия со средой как следствие саморегуляции (Степин, 2009, с. 10). Особое внимание в этом случае уделялось действиям и операциям, которые обеспечивают воспроизводство системы. Однако в постнеклассической науке смысл процессуальности существенно расширился. Процессуальность рассматривается не только как саморегуляция, но и как эволюционная самоорганизация – как переход от одного типа организации системы к другому. С этой точки зрения процессуальность личности раскрывает не только ее способность к переходу на иные уровни функционирования, она

свидетельствует о ее способности преобразовываться, порождать новые элементы, изменяться структурно и содержательно, усложняться и редуцироваться, то есть постоянно меняться в бесконечном и неопределенном множестве вариантов. Процессуальность определяет неразрывность и целостность личности. Именно постоянные изменения поддерживают устойчивость личности. Напрашивается аналогия с самолетом. Самолет не падает, потому что он все время летит. Если он остановится, то упадет. Поэтому изменчивость не есть оппозиция устойчивости. Изменчивость есть оппозиция статичности. Изучая личность как «закостенелый» паттерн, как нечто инвариантное и многократно воспроизводимое, мы акцентируемся не на устойчивости, а на неизменности, рассматриваем личность как нечто неподвижное, застывшее. Между устойчивостью системы (фазой стабилизации) и ее консервацией существует принципиальная разница, поскольку при «самоповторении ...живой элемент приходит более или менее быстро в состояние неподвижности (Тейяр де Шарден, 2002, с. 212: цит. по Асмолов и др., 2017, с. 15).

Процессуальность подчеркивает соотносимость изменчивости личности и подвижности окружающего мира, где прежний опыт каждый раз используется в новом контексте. Игнорирование этого факта обрекает личность на стагнацию, даже если прошлый опыт длительное время был полезным и эффективным. Именно на это обстоятельство обращал внимание Бернштейн, когда, не отрицая воспроизводимость (повторяемость) стационарной системы, связывал ее жизнеспособность в условиях динамичного окружения не только со структурной устойчивостью, но и со способностью изменяться при «повторении без повторений» (Бернштейн, 1966).

Некоторые методологические следствия процессуальности личности

Процессуальная природа личности ориентирует нас на иное, чем дихотомия, понимание устойчивости и изменчивости личности – как переходных взаимодополняющих состояний, где исследовательский результат зависит от того, в какой момент времени (в какой фазе – стабилизации или изменения) проводилась оценка личностных характеристик. Отсюда проистекает несколько важных методологических следствий, их нельзя не учитывать при изучении личности.

Первое связано с *чувствительностью* неравновесной системы личности к флуктуациям, которая должна выступать в качестве

объяснительного принципа по отношению к изменчивости психологической феноменологии. Посредством его можно понять, почему эмпирические данные демонстрируют широкий диапазон вариативности при стабильной структуре и низкую воспроизводимость результатов изучения личности. Речь идет о том, что даже небольшие влияния способны приводить к значимым внутренним колебаниям, неопределенности и «головокружительному», говоря словами Мишела (Mischel, 2014), разнообразию поведения. В свое время на этом акцентировал внимание К. Левин, отмечая, что именно рассмотрение психики как напряженной системы позволяет понять, почему незначительные воздействия в силу ненадежного равновесия могут вызывать значительный эффект в противовес более масштабным влияниям, сталкивающимся со столь же масштабными сопротивлениями.

Для всех живых систем важным является тот факт, что они подвергаются непрерывному изменению во время своего существования. Внутрличностная изменчивость указывает на текущие процессы и отражает явления, связанные с изменениями и развитием (van Geert & van Dijk, 2002, p. 344). Это подразумевает, что эмпирические частоты физической системы не могут стабилизироваться в долгосрочной перспективе (Uher, 2013). Наоборот, со временем вероятности сами меняются. Любое событие (фильм, случайность по дороге на работу, неожиданная встреча) может вызвать отклик (эмоциональный, когнитивный) и привести личностную систему в неравновесное состояние.

Для классической парадигмы исследования личности такие отклонения представляют собой отдельные случайные события, но в реальности они отражают колебательный характер личностных характеристик. Соответственно, нам необходимо признать, что описание личности и ее основных проявлений посредством средних значений, стандартных, типичных характеристик применимо только к обратимым краткосрочным колебаниям. *Необходимо признать как невозможность объяснить широту проявлений личности на основе инвариантных структурных моделей, так и ненаблюдаемость траекторий изменений личности.* По отношению к личностным переменным исключение «случайных событий» означает построение идеальной модели несуществующей личности, где теряется наиболее «ценная» часть – особое измерение личности как субъекта жизни (Рубинштейн, 2003). Для изучения личностных переменных должен быть использован математический аппарат, позволяющий изучать «реального человека в реальном мире» (Gosling, 2016, p.115).

Второе. Взаимосвязь устойчивости и изменчивости подразумевает, что флуктуации (колебания) затухают во времени, оказывая разное влияние на изменчивость системы. Многим психологам хорошо знакома ситуация, когда, стремясь изменить поведение человека или его состояние посредством психологического вмешательства, на первом этапе мы видим «сдвиги», «отклик системы» на вмешательство. Однако со временем активный выброс энергии снижается, а с ним «исчезают» и новые формы поведения, что свидетельствует о замедлении диссипации. Изменения становятся все менее заметными (эффект затухает), и человек возвращается к привычному для себя поведению или состоянию. То есть изменение имело место, однако было ограничено микроскопической реакцией и не распространилось на макроуровни. В данном случае имеет место регуляция, ведущая к восстановлению равновесия и подразумевающая реализацию механизма обратной связи (Николис, Пригожин, 1979). Соответственно, важно развести вариативность поведения и сопутствующие ему механизмы саморегуляции по отношению к структурным флуктуациям, затрагивающим изменение пространственно-временной организации личности, выступающим механизмами самоорганизации и эволюции системы.

Ключевым основанием для их различения будет *обратимость*. Мелкомасштабные флуктуации, хоть и проявляются в виде нестабильных эмпирических частот, тем не менее чаще всего обратимы. Структурные флуктуации, свойственные всем «живым» процессам (рост, развитие, деградация), необратимы. «Вследствие разного переживания прошлого, – писал Бергсон, – даже при одних и тех же обстоятельствах невозможно пройти два раза через одно и то же состояние» (Бергсон, 2019, с. 43). Это означает, что структурные флуктуации напрямую связаны с событийным рядом (контекстом) и субъектами, вовлеченными в него. Именно *структурные флуктуации* приводят к трансформации личности. Поэтому интерес, в первую очередь, представляют именно они и их связь с реальностью, а не мелкомасштабные флуктуации (колебания/отклонения от стандартных состояний в краткосрочной перспективе). Только моделируя эту реальность, мы можем понять, как множественность уникальных позиций «Я», валюаций (личностных смыслов, вокруг которых складывается жизнь личности) (Hermans, 2001) будет реализована в конкретный момент времени, частного случая, жизненного эпизода с возможностью переключения на другую ситуацию.

Третье. Процессуальная природа личности особенно ярко проявляется *вблизи точек бифуркации* – особых точек перехода или

разветвления. Именно вне области устойчивости может возникать новый тип организации, связывающей когерентное пространственно-временное поведение с динамическими процессами внутри системы (Николис, Пригожин, 1979). «Зона» бифуркации создает диапазон множественности состояний. Усиливается непредсказуемость изменений пространственно-временной организации личности. Это подразумевает бесконечное множество качественно различных режимов поведения – от типичных до неадаптивных и преадаптивных. Иллюстрацией заявленного тезиса может служить рост проявлений неадаптивной активности, который наблюдается в критические эпохи.

В данном контексте фраза «человек – творение неопределенного образа» Джованни Мирандолы приобретает вполне осязаемый смысл. Множественность и неопределенность состояний обуславливает возможность в любой момент времени появления нового типа решения, не сводимого к предыдущему. Именно в такие периоды логика объяснения и прогнозирования поведения человека, основанная на концепции черт, перестает «работать», поскольку невозможно дать единовременную оценку всей палитре бытия человека. Многослойность и поликонтекстуальность жизни определяет непредсказуемость личностных изменений. Неопределенность создает бесконечное множество вариаций в сопряжении с динамично меняющимися контекстами жизненного мира личности, где результат перехода в устойчивое состояние оказывается напрямую связанным с уровнем сложности системы, погруженной в поток случайных и детерминистических (законосообразных) факторов.

Таким образом, процессуальность личности требует от нас, с одной стороны, учитывать относительность результата измерения – принимать его как частный случай одного из возможных состояний, зафиксированный «здесь и сейчас». С другой – изменчивость личности лучше всего изучать в так называемые критические моменты – в «зонах» бифуркации (ситуациях жизненного выбора, самоопределения, жизненных кризисов, трудных жизненных ситуациях), отличающихся ростом неопределенности. Именно в такие моменты наиболее ярко обнаруживаются явления, отражающие процессуальную природу личности: вариативность, неустойчивость и неоднозначность. Например, множественность идентичности личности (Castells, 1998), контекстуальная самономинация социальных идентичностей (Turner, 1994), разнообразие «возможных Я» (Cinnirella, 1998).

Четвертое. Вероятностный характер пространственно-временной организации личности при значительной неустойчивости лич-

ностных характеристик и высоком потенциале неравновесности состояний свидетельствует о высокой роли фактора случайности в изменчивости личности. Не отрицая детерминации в трансформации личности, следует признать, что в любой момент времени элемент случайности может прервать «фазу» устойчивости и перевести систему в неравновесное состояние.

Процессы детерминации подразумевают наличие самоподдерживающихся и самовоспроизводящихся систем. Таковые в личности присутствуют в качестве биологически обусловленных подструктур и закрепившегося опыта, существование и рост которых определяется «законосообразными» процессами. Вероятность появления флуктуации и потенциал ее распространения до макроскопических размеров относится к случайным процессам, зависящим от меры сопряжения между внутренним и внешним миром. Случайным является все то, что не является неизбежным и не является невозможным (Н. Луман). Личность как сложная открытая система имеет высокую степень взаимодействия с окружающей средой, а «элемент случайности» может потенциально находиться как внутри системы личности (например, когда неустойчивость взаимодействия между элементами порождает внутреннюю случайность), так и за ее пределами (случайные события, неожиданная ситуация, неопределенность условий и др.). Поэтому процессуальность есть порождение *взаимодополнения детерминистических и случайных процессов* изменчивости личности.

Это взаимодополнение детерминистических и вероятностных элементов временной эволюции личности лучше всего проявляется в количественных и качественных трансформациях. Совершенно понятно, что процессы личностного развития (появление новообразований или «рост» отдельных характеристик личности), во многом определяемые детерминистическими процессами, существенно отличаются от личностных изменений, вектор которых не задан и в большей степени связан с потенциалом возможного, а не необходимого. В первом случае мы можем выделить возникновение неких «типовых» структур, характеризующихся размерной инвариантностью. Во втором – только предположить, опираясь на предысторию личности, какие структуры могут возникнуть с той или иной степенью вероятности.

Пятое. Идеи теории неравновесных систем И. Пригожина убедительно раскрывают природу изменчивости личности через сопряжение детерминистических и случайных процессов

в пространственно-временной организации личности, но не учитывают принцип самостоятельности субъекта (С.Л. Рубинштейн). Но объяснение изменений исключительно случайными факторами сужает наше понимание изменчивой природы личности стечением обстоятельств или самопроизвольным (по аналогии с мутацией) возникновением структур. В то же время процессуальность личности учитывает все измерения ее существования, в том числе и авторство жизни. «Существовать, – пишет С.Л. Рубинштейн, – значит быть детерминированным, но не только в понятии, а в действительности. Существование – пребывание, «деление», участие, но не в идее, а в процессе жизни, существовать – значит действовать и страдать» (Рубинштейн, 2003, с. 303). Быть субъектом – значит быть носителем или источником свободной причинности (Петровский, 1997), поэтому «Я» необходимо рассматривать как субъект свободы.

Идея свободы дополняет континуум случайности и детерминированности третьим измерением – субъектностью, понятием самодетерминации. Альтернативность бытия личности подразумевает переход от динамики «нормальных» личностных изменений к вероятностям, где ведущим принципом выступает неопределенность, а механизмом – сознательная активность субъекта. Вероятностный характер пространственно-временной организации личности представляет собой сочетание *необходимого и возможного*, где жизненная активность человека проявляется в координатах потенциала самоосуществления и результат зависит от «деятеля» – человека. Именно личность воплощает возможности в действительность. Только сам человек может определить для себя, что именно он рассматривает как возможности, во что он вкладывает ресурсы, как расставляет приоритеты. Таким образом, сущность личности не является данностью, она конструируется (создается) человеком.

Процессуальный подход в психологии личности. Вместо заключения

Проекция теории неравновесных систем на методологию исследования личности позволяет решить классический парадокс личности на базе положений постнеклассической науки. Такое решение определяется процессуальной природой личности и может быть описано через взаимодополняющие тенденции к изменчивости и постоянству (стабильности, определенности), наличие относительно устойчивых и подвижных зон личности, а также самоорганизующего начала личности.

Взаимосвязь этих тенденций (устойчивости и изменчивости) служит основанием для развития процессуального подхода в психологии личности (Kostromina, Grishina, 2018), суть которого может быть сформулирована следующим образом – «сохранение устойчивости личности, ее интегративности через постоянное изменение» (Журавлев, Харламенкова, 2009, с. 32). Объектом в процессуальном подходе становится не существующее, а **возникающее**. Именно процессуальная природа личности фокусирует наше внимание в исследовании личности **на потенциально возможном**.

Изучение личности и прогнозирование поведения человека на основе устойчивых черт, на основе прошлого опыта, как предлагает классическая психология личности, – это взгляд назад в попытке предугадать, с какой степенью вероятности аналогичным образом человек поступит и в следующий раз. Единственным критерием в такой парадигме становится согласованность (coherence – внутренняя непротиворечивость), каждый раз заново выстраиваемая сцепка между текущей «Я» – позицией и конгруэнтными ей жизненными контекстами (Зайцева, 2019, с. 347), «гарантирующая» устойчивость.

Процессуальный подход ориентирован на изучении потенции системы личности к образованию новых структур. Речь идет не о перемещении компонентов подсистем личности, часто понимаемых как изменение, не об установлении между ними соответствия, а о порождении новых элементов, форм, функций и свойств. О вариативности, альтернативности и разнообразии новых форм и состояний. О возникновении новых структур в результате накопления энергии, нарастания хаоса и стремления к порядку через хаос. *Возникающее* в этом случае выступает маркером нового варианта пространственно-временной организации личности, иного бытия личности.

Опираясь на то, что было (на закрепившиеся в опыте паттерны), в описании личности кажется надежнее, чем на то, что «может быть будет» (или может быть не будет). Однако при всей кажущейся надежности в исследовании личности это заранее проигранный вариант, поскольку мы приравниваем устойчивые статистические структуры, лежащие в основе закодированных представлений об особенностях личности, к явлениям, которые служат фундаментом этих воспринимаемых явлений (Uher, 2013). Сложившаяся традиция, где прошлое поведение – лучший предсказатель будущего поведения, создает иллюзию того, что, базируясь на таком прогнозе, мы понимаем, что есть личность. Прошлое может сбивать с толку, поскольку в

наших интерпретациях прошлых событий есть много степеней свободы (Галеб, 2009, с. 306). Опираясь на прошлое, мы рационально полагаем, что человек проявит себя единственно возможным образом в конкретных обстоятельствах. Это стерильное моделирование поведения ведет к построению оторванного от реальности профиля личности.

Прошлое поведение может быть причинно и связано с будущим поведением, но только косвенно, например, из-за роли социальных условий. Однако это не объясняет диапазона личностных проявлений и изменений, не учитывает взаимодополнение процессов детерминации случайными факторами, самодетерминацию и свободу выбора, накопительные эффекты (ситуацию изменений), неадаптивные и преадаптивные формы активности – то есть весь спектр проявления процессуальной природы личности, требующий построения прогноза не на основе прошлого, а на основе потенциального будущего.

Галеб называет неспособность мыслить динамично, неумение соотнести себя с будущим «футурологической слепотой» (Галеб, 2009, с. 316). Возникающее как объект исследования в процессуальном подходе – это проектирование психологии человека в потоке изменений (А.Г. Асмолов), это «видение» личности в новых обстоятельствах. Именно в рамках процессуального подхода идеи наших учителей и коллег – «длительная временность», «пробывание в изменении», «существовать – значит участвовать» (С.Л. Рубинштейн), «кажимость времени», «многообразие типичного» (А.Г. Асмолов), «быть живым значит быть разным в любой момент времени» (Д.А. Леонтьев), «текущая реальность» (Т.Д. Марцинковская), «цветущая сложность» (К. Леонтьев), которые часто рассматриваются как метафоры, обретают реальный смысл и могут быть материализованы в новых исследованиях личности. Процессуальный подход рассматривает личность как живущую и участвующую, пробующую и ошибающуюся, где движутся и постоянно накапливаются незначительные (маленькие) изменения.

Постнеклассическая наука дает естественнонаучную легитимацию новому мировоззрению, новой методологии познания личности, новым подходам к ее изучению как к открытому, варибельному и альтернативному пространству и ускоряет распад классических стадияльно-линейных моделей описания психического (Сергиенко и др., 2020). Возможно, нам наконец-то нужно сделать шаг навстречу постнеклассической психологии личности, решив не только «классический парадокс личности», сформулированный У. Мишелом,

но и перейдя к изучению современной феноменологии бытия человека в изменяющемся мире релевантными методами.

Литература

Асмолов, А.Г., Шехтер, Е.Д., Черноризов, А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.

Бергсон, А. [Bergson H.] Творческая эволюция. (L'évolution créatrice. Paris, 1907) Перевод В. Флеровой. М.: Изд-во Академический проект. Серия Философские технологии, 2019.

Бернштейн, Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.

Винер, Н. [Wiener N.] Я – математик. М.: Наука, 1964.

Гусельцева, М.С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т.8. Вып. 4. С. 327–340.

Журавлев, А.А., Харламенкова, Н.Е. Психология личности как открытой и развивающейся системы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.

Зайцева, Ю.Е. «Это не Адам становится меньше, просто дерево растет»: методологические заметки об изменчивом человеке в изменчивом мире (по мотивам одной рецензии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т.9. Вып. 4. С. 346–358.

Костромин, С.Н. Методология исследований личности: структурный подход vs. динамический // Психология личности. Пребывание в изменении: коллективная монография. / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. С. 17–54.

Левин, К. [Lewin K.] Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.

Марцинковская, Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Николис, Г., Пригожин, И. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуацию. Пер. с англ. В.М. Пастушенко. М.: Мир, 1979.

Петровский, В.А. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 124–144.

Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека

с природой. Пер. с англ. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986.

Рубинштейн, С.А. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

Сергиенко, Е.А., Уланова, А.Ю., Лебедева, Е.И. Модель психического: Структура и динамика. М. Изд-во «Институт психологии РАН». 2020.

Степин, В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука культура. Коллективная монография / Под ред. Л.П. Кнященко, В.С.Степина. СПб: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295.

Талеб, Н. [Taleb N.] Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Ксотиновой, О. Попова. М.: Издательство Ко Либри, 2009.

Хьелл, Л., Зиглер, Д. [Hjelle, L., Ziegler, D] Теории личности. СПб.: Питер, 1997.

Castells, M. The Information Age; Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, 1998.

Cinnirella, M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. 1998. Vol. 28. No. 2. P. 227–248.

Gosling, S. No excuses, it's time to study real people in the real world / In Abstract book of the 18th European Conference on Personality, 19–23 July 2016, Romania. P.115. <http://www.eapp.org/meetings/conferences/ecp18/>

Hermans, H.J.M. Dialogical Self: Toward a theory of Personal and Cultural Positioning // Culture & Psychology. 2001. Vol. 7. No. 3. P. 243–281.

Kostromina, S.N., Grishina, N.V. The Future of Personality Theory: a Processual Approach // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2018. Vol. 52. No. 2. P. 296–306. <https://doi.org/10.1007/s12124-018-9420-3>.

Mischel, W. Toward an integrative science of the person // Annual Review of Psychology. 2004. Vol. 55. P. 1–22. DOI: 10.1146/annurev.psych.55.042902.130709

Mischel, W. The Marshmallow Test: Mastering self-control. New York, NY: Little, Brown, and Company, 2014.

The Cambridge Handbook of Personality Psychology / P.J. Corr, G. Matthews (Eds). New York, NY: Cambridge University Press, 2020.

Turner, J. Self and collective: cognition and social context // Personality and Social Psychology Bulletin. 1994. Vol. 20. No. 5. P. 454–463.

Uher, J. Personality Psychology: Lexical Approaches, Assessment Methods, and Trait Concepts Reveal Only Half of the Story—Why it is Time for a Paradigm Shift // Integrative Psychology Behavior. 2013. Vol. 47. P. 1–55.

Van Geert, P., & van Dijk, M. Focus on variability: new tools to study intra-individual variability in developmental data // *Infant Behavior & Development*. 2002. Vol. 25. P. 340–374.

Сведения об авторе

Светлана Н. Костромина, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6, факультет психологии СПбГУ; *s.kostromina@spsu.ru, lanank68@gmail.com*

Kostromina S.N.

Classic “Paradox of Personality”:

Is there a theoretical and methodological basis for a solution?

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Can the classic “Paradox of Personality” formulated by W. Michel be solved? The article discusses the ideas of post-non-classical science to explain stability and variability as complementary properties of personality. The personality as an open complex self-developing system has all the signs of disequilibrium. The instability and multiplicity of states, their unpredictability and irreversibility, reveal the fluidity (continuous, constant, consistent change) of the inner content of the personality and emphasize its processual nature. In such a structure, all changes are irreversible, have a probabilistic character, are determined by the sensitivity to fluctuations, the multiplicity of potential states, and the processes of self-determination. Processuality personality reveals the ability to transition to new levels of functioning. It indicates the ability to transform, to generate new elements, to change structurally and meaningfully, to become more complex and reduced, that is, to constantly change in an infinite and indefinite set of options. Therefore, the variability of personality is not an opposition to stability. Variability is the opposition to static. The complexity of the personality system, that is, the build-up of new levels of organization, is accompanied by a change in its spatial and temporal organization. Each new stage of the functional organization of the personality is a period of its stability (structural orderliness), which carries the “embryo” of further change. Each new change leads to an increase in the complexity of the structure and levels of organization of the individual and, consequently, to an increase in its stability. The relationship between these trends (stability and variability) is the basis for the development of a processual approach in personality psychology, the essence of which is the preservation of stability through constant change. The processual approach is focused on studying the potential of the personality system to form new structures. The focus of research in the processual approach shifts to the *potentially possible*, and the object of research is not the existing, but the *emerging*.

Key words: the processual nature of personality, the classic ‘Paradox of Personality’, stability, variability, post-nonclassical science

For citation: Kostromina, S.N. (2021). Classic “Paradox of Personality”: Is there a theoretical and methodological basis for a solution? *New Psychological Research*, No. 2, pp. 7–30, DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01

References

Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., Chernorizov, A.M. (2017). Pre-adaptation to uncertainty as a navigation strategy for developing systems: routes of evolution. *Voprosy psikhologii*, 4, 3–26.

Bergson, H. (2019). *Creative evolution*. (L'évolution créatrice. Paris, 1907). Moscow: Izd-vo Akademicheskii proekt.

Bernstein, N.A. (1966). *Essays on the physiology of movements and the physiology of activity*. Moscow: Meditsina.

Castells, M. (1998). *The Information Age; Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell.

Cinnirella, M. (1998). Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities. *European Journal of Social Psychology*, 28(2), 227–248.

Corr P.J., Matthews G. (Eds.). (2020). *The Cambridge Handbook of Personality Psychology Second Edition*. New York, NY: Cambridge University Press.

Gosling, S. (2016). No excuses, it's time to study real people in the real world. In Abstract book of the 18th European Conference on Personality, 19–23 July 2016, Romania (p. 115). Retrieved from <http://www.eapp.org/meetings/conferences/ecp18/>

Guseltseva, M.S. (2018). Metamodernism in psychology: new methodological strategies and changes in subjectivity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 8(4), 327–340.

Hermans, H.J.M. (2001). Dialogical Self: Toward a theory of Personal and Cultural Positioning. *Culture & Psychology*, 7(3), 243–281.

Hjelle, L., Ziegler, D. (1997). *Theories of personality*. St. Petersburg: Piter.

Kostromina, S.N., Grishina, N.V. (2018). The Future of Personality Theory: a Processual Approach. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 52(2), 296–306. <https://doi.org/10.1007/s12124-018-9420-3>.

Kostromina, S.N. (2019). Personality Research Methodology: Structural Approach vs. dynamic. In N.V. Grishina (Ed.), *Psychology of personality. Staying in Change: A Collective Monograph* (pp. 17–54). St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta.

Lewin, K. (2001). *Dynamic psychology: Selected works*. Moscow: Smysl.

Martsinkovskaya, T.D. (2016). *Culture and subculture in the space of a psychological chronotope*. Moscow: Smysl.

Mischel, W. (2004). Toward an integrative science of the person. *Annual Review of Psychology*, 55(1), 1–22. DOI: 10.1146/annurev.psych.55.042902.130709

Mischel, W. (2014). *The Marshmallow Test: Mastering self-control*. New York, NY: Little, Brown, and Company.

Nicolis, G., Prigogine, I. (1979). *Self-organization in nonequilibrium systems: from dissipative structures to ordering through fluctuation*. Moscow: Mir.

Petrovsky, V.A. (1997). Essay on the theory of free causality. In: D. Leontiev, V.G. Schur (Eds.), *Psychology with a human face: a humanistic perspective in post-Soviet psychology* (pp. 124–144). Moscow: Smysl.

Prigogine, I., Stengers, I. (1986). *Order from chaos: A new dialogue between man and nature*. Moscow: Progress.

Rubinstein, S.L. (2003). *Being and consciousness. Man and the world*. St. Petersburg: Piter.

Sergienko, E.A., Ulanova, A.Yu., Lebedeva, E.I. (2020). *Model of the Mental: Structure and Dynamics*. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN».

Stepin, V.S. (2009). Classical, non-classical, post-non-classical: criteria for distinguishing In: L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin (Eds.), *Post-nonclassics: philosophy, science, culture*. (pp. 249–295). St. Petersburg: Izdatel'skii dom «Mir».

Taleb, N. (2009). *Black Swan. Under the sign of unpredictability*. Moscow: Izdatel'stvo Ko Libr.

Turner, J. (1994). Self and collective: cognition and social context. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 20(5), 454–463.

Uher, J. (2013). Personality Psychology: Lexical Approaches, Assessment Methods, and Trait Concepts Reveal Only Half of the Story—Why it is Time for a Paradigm Shift. *Integrative Psychology Behavior*, 47, 1–55.

Van Geert, P., van Dijk, M. (2002). Focus on variability: new tools to study intra-individual variability in developmental data. *Infant Behavior & Development*, 25, 340–374.

Wiener N. (1964). *I am a mathematician*. Moscow.

Zaitseva, Yu.E. (2019). “It’s not Adam getting smaller, just a tree growing”: methodological notes on a changeable person in a changeable world (based on one review). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 9(4), 346–358.

Zhuravlev, A.L., Kharlamenkova, N.E. (2009). Psychology of personality as an open and developing system. *Psikhologicheskii zhurnal*, 30(6), 30–39.

Information about the author

Svetlana N. Kostromina, Doctor of Psychology, Professor, Head of Personality Psychology Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; nab. Makarova, 6, St. Petersburg, Russia 199034; *s.kostromina@spbu.ru*; *lanank68@gmail.com*